Калужский региональный штаб ВВПОД «ЮНАРМИЯ»

Утверждено

Протокол КРШ ВВПОД «ЮНАРМИЯ»

№ 5 от «19» августа 2022 г.

Начальник

Штаба А.В.Погудин

Методическая разработка
по организации и проведению регионального кинолектория, посвященного 220-летию со дня рождения П.С. Нахимова (1802-1855),
выдающегося русского флотоводца.

Калуга-2022

Пояснительная записка

I. Общие положения мероприятия «КИНОЛЕКТОРИЙ»

Кинолекторий проводится в форме Урока Мужества. «УРОК МУЖЕСТВА» является одной из распространенных форм военно-патриотического воспитания обучающихся образовательных организаций, которая направлена на формирование личности обучающегося как гражданина и патриота России с присущими такой личности ценностями, взглядами, установками, мотивами деятельности и поведения.

Существует множество методов проведения «УРОКОВ МУЖЕСТВА», приуроченных к дням воинской славы и памятным датам России. Уроки мужества могут быть массовыми (для нескольких классов) или групповыми (для одного класса, отдельной группы обучающихся); интерактивными (встречи, беседы, с включением в разговор самих обучающихся); наглядными (выставки, тематические стенды, использование фото-, видеоматериалов), творческими (с включением в сценарий поэтических или песенных композиций).

Содержание «УРОКА МУЖЕСТВА» должно содержать как информационные, так и эмоциональные составляющие, а также быть понятным, доступным и запоминающимся, с учетом возрастных особенностей обучающихся.

II. ЦЕЛИ «УРОКА МУЖЕСТВА»:

- формирование уважительного отношения к воинам защитникам Отечества, продемонстрировавшим лучшие качества человека – гражданина, патриота: неиссякаемую верность долгу и традициям старших поколений, непреклонную волю к победе, отвагу и мужество;
- формирование у обучающихся духовно-нравственных ценностей, активной гражданской позиции, патриотизма, воспитание стремления знать историю своей Родины и ее национальных традиций.

III. ЗАДАЧИ «УРОКА МУЖЕСТВА»:

- информирование участников «УРОКА МУЖЕСТВА», в соответствии с темой урока, расширение и углубление их личных представлений о военных событиях в мире.
- познакомить обучающихся с биографией и боевыми заслугами П.С. Нахимова;
- сохранение памяти о воинской славе России, ее героях, содействие проявлению заинтересованности в изучении исторического наследия своей Родины.

IV. ПОРЯДОК (СЦЕНАРИЙ) ПРОВЕДЕНИЯ «УРОКА МУЖЕСТВА»

Организационные вопросы:

- место проведения: класс, актовый зал, школьный музей/уголок воинской славы;
- время проведения: 90 минут (сдвоенный урок, с учетом демонстрации фильма «Адмирал Нахимов»);
- участники урока: обучающиеся общеобразовательных и профессиональных образовательных организаций;

- материально-техническое обеспечение: фильм «Адмирал Нахимов», медиа-проектор, музыкальное сопровождение (все – по возможности или необходимости).

Порядок проведения урока мужества:

1. Урок мужества целесообразно начинать с прослушивания государственного гимна.
2. Затем с кратким вступительным словом к учащимся обращается преподаватель (модератор урока), объявляет тему урока.
3. Модуль, посвященный биографии и боевым заслугам П.С. Нахимова, просмотр фильма с последующим обсуждением.

Вопрос для обсуждения: Какие особые черты русского патриотизма, не свойственные другим народам, вы можете выделить?

4. Урок мужества завершает преподаватель (модератор урока), который закрепляет его основные смысловые посылы:

- ✓ Давайте подведём итоги нашего урока.
- ✓ Что вас удивило на уроке?
- ✓ Какие выводы можно сделать из сегодняшнего урока?

В заключение преподаватель (модератор урока) благодарит всех участников мероприятия.

Видео и аудио материалы: х/ф Адмирал Нахимов (01:29)

You Tube https://youtu.be/jznmFGJLPIM

Ссылка на скачивание: https://cloud.mail.ru/public/3C9d/JfgFbE4va

Информацию о количестве принявших участие в кинолектории просим направлять на электронную почту: omo.patriot.kaluga@mail.ru до 10 июля 2022 года **в сканированном виде с подписью и печатью** по форме:

Муниципальный район/городской округ/образовательная организация	Дата проведения акции	Количество участников	Из них в возрасте от 14 до 30 лет

Должность Подпись Фамилия, инициалы

МП

Биография
Основные даты жизни и деятельности
Детство и учёба
Павел Степанович Нахимов родился в селе Городок Смоленской губернии Вяземского уезда 23 июня (5 июля) 1802 года. Его отец — Степан Михайлович — секунд-майор, впоследствии уездный предводитель дворянства, имел 11 детей, из которых в детстве скончалось шестеро. Все оставшиеся в живых: Николай, Платон, Иван, Павел и Сергей воспитывались в морском кадетском корпусе и впоследствии служили во флоте.

Начало карьеры в ВМФ
Павел Степанович был определен в кадетский корпус 3 мая 1815 года. Во время своего пребывания в корпусе он совершал практические плавания по Балтийскому морю на бригах «Симеон и Анна» и «Феникс». На «Фениксе» под командой одного из лучших морских офицеров того времени Дохтурова, в числе немногих лучших учеников, назначенных на бриг по воле Государя, посетил берега Дании и Швеции. Нахимов окончил курс корпуса в 1818 году шестым по выпуску и тогда же, 9 февраля, был произведен в мичманы и зачислен на службу во 2-й флотский экипаж.
Конец 1818 и весь 1819 год Нахимов служил со своим экипажем в Петербурге, в 1820 году плавал по Балтике на тендере «Янус», а в 1821 году был отправлен сухим путем в Архангельск, в команду строившегося там корабля. Из Архангельска он вскоре был вызван обратно в Петербург и назначен на фрегат «Крейсер», предназначавшийся вместе с 20-ти пушечным шлюпом «Ладогой» в кругосветное плавание. Начальником экспедиции и командиром «Крейсера» был капитан 2 ранга Михаил Петрович Лазарев, знаменитый впоследствии адмирал, под руководством которого произошло становление многих славных русских моряков. «Крейсер» предназначался для охранения российско-американских колоний, а «Ладога» — для доставления грузов в Камчатку и колонии.
Современники единогласно утверждают, что подобное назначение человеку без протекций в то время, когда кругосветные плавания были чрезвычайно редки, служит неопровержимым доказательством того, что молодой мичман обратил на себя особое внимание. Нахимов с первых дней плавания служил "24 часа в сутки", не вызывая при этом упреков за желание выслужиться со стороны товарищей, быстро уверовавших в его призвание и преданность самому делу.

Трёхлетнее кругосветное плавание
17 августа 1822 года «Крейсер» вышел из Кронштадта и, посетив порты Копенгагена и Портсмута, бросил 10 декабря якорь на рейде Санта-Круца. Перегрузившись в Рио-де-Жанейро и не надеясь, по позднему времени года, обогнуть мыс Горн, Лазарев счел за лучшее идти в Великий океан вокруг мыса Доброй Надежды и Австралии. 18 апреля 1823 года вошли на Гобарт-Таунский рейд, где экипажам дан был отдых на берегу и где изготовились к дальнейшему плаванию к острову Отаити и далее к Ново-Архангельску. В последнем пункте «Крейсер» сменил наш станционер, шлюп «Аполлон», и поступил в распоряжение главного правителя колоний. Совершив зимою 1823 года плавание в Сан-Франциско для возобновления припасов и оставаясь затем у колоний до половины октября 1824 года, «Крейсер» был сменен прибывшим из России шлюпом «Предприятие», обогнул мыс Горн, несколько задержался в Бразилии и прибыл в Кронштадт 5 августа 1825 года.

Трёхлетнее кругосветное плавание под начальством Лазарева принесло в 1823 году Нахимову чин лейтенанта, а по окончании экспедиции — орден Святого Владимира 4 степени, воспитало в нём качества прекрасного моряка, сблизило его с Лазаревым, оценившим дарования подчиненного и наставлявшим его для дальнейшей службы во флоте. Всю последующую свою службу Нахимов находился под начальством Лазарева до самой кончины адмирала, то есть до 1851 года.

По окончании кругосветной экспедиции Нахимов в том же 1825 году получил назначение в Архангельск, откуда в следующем году пошел в Кронштадт на 74-пушечном корабле «Азов» под командой Лазарева.

Служба на «Азове»

Нахимов по-прежнему служил на «Азове» под командой Михаила Лазарева, когда флагман принял активное участие в знаменитом Наваринском сражении. Флагманский корабль русской эскадры уничтожил 5 турецких кораблей, в том числе фрегат командующего турецким флотом, получив при это 153 попадания, из них 7 ниже ватерлинии.

Во время Наваринской битвы на «Азове» проявили себя будущие российские флотоводцы, герои Синопа и Севастопольской обороны лейтенант Павел Степанович Нахимов, мичман Владимир Алексеевич Корнилов, гардемарин Владимир Иванович Истомин. За боевые подвиги в сражении линейному кораблю «Азов» впервые в русском флоте был присвоен кормовой Георгиевский флаг. Щедрые награды Царя были розданы и храбрым морякам. Нахимов, особо отличившийся в бою, был произведен в капитан-лейтенанты и награжден орденом Святого Георгия 4 степени и греческим орденом Спасителя.

Самостоятельное плавание и возвращение к Лазареву

Весь 1828 год Нахимов провел в дальних походах, а в следующем году был назначен командиром 16-пушечного корвета «Наварин», трофейным турецким кораблём, носившем ранее имя «Нассабих Сабах». В мая 1830 года на этом корвете Нахимов возвратился в составе эскадры Лазарева в Кронштадт и на нем же крейсировал по Балтийскому морю в кампанию 1831 года.

Командование «Палладой»

В 1832 года Нахимов состоял членом комитета, учрежденного с целью предохранения Кронштадта от появившейся тогда холерной эпидемии, и вскоре получил в командование фрегат «Палладу», заложенный на охтинской верфи. Нахимов лично следил за постройкой этого корабля и ввел на нем некоторые, впервые примененные усовершенствования. На новом фрегате Нахимов крейсировал по Балтике в 1833 году в эскадре адмирала Беллинсгаузена. Во время плавания он лично проверял правильность хода корабля, шедшего в строе эскадры, первый обнаружил в одну из ночей неправильность курса и поднял сигнал: «Эскадра идет в опасности!». Суда быстро изменили курс, но передовой корабль «Арсис», не рассмотревший сигнала Нахимова, наскочил на камни и едва не затонул. Наградой Нахимову были милостивые слова Государя: «Я тебе обязан сохранением эскадры. Благодарю тебя. Я никогда этого не забуду».

Перевод в Черноморский флот

В январе 1834 года Нахимов был переведен на Черноморский флот, перешедший тогда под командование вице-адмирала Лазарева, и назначен командиром 41-го флотского экипажа. 30 августа того же года он был произведен в капитаны 2-го ранга, а в 1836 году получил под команду строившийся линейный корабль «Силистрия». На «Силистрии» же, совершая обычные практические плавания, получил 6-го декабря 1837 года чин капитана 1 ранга.

Проблемы со здоровьем

Непрерывное многолетнее плавание, различные лишения, связанные с крейсерством в далеких морях и при переходах через океаны, участие в боевых действиях и неусыпные труды подорвали здоровье Нахимова. Презирая всякие удобства жизни, мало обращая внимания на советы докторов, он пренебрегал зачатками болезней, вскоре принявших угрожающий характер. Радикальное лечение сделалось для него прямой необходимостью, и он должен был расстаться на время с родной стихией. По ходатайству начальника главного морского штаба, князя Меншикова, Нахимов был уволен в октябре 1838 года с сокращением содержания за границу, где и пробыл 11 месяцев.

Командование «Силистрией»
Оправившись от недугов, Нахимов вновь вступил в командование «Силистрией», участвовал на ней в 1840 году в перевозке сухопутных войск к черноморским берегам Кавказа и содействовал истреблению контрабандного судна, за что был отмечен Императором. 1841—1845 года он провел в крейсерстве по Черному морю и в Севастополе, оказав 30 августа 1844 года помощь Головинскому укреплению, осажденному горцами, за что вновь удостоился Высочайшего благоволения.

13 сентября 1845 года Нахимов был произведен в контр-адмиралы с назначением командиром 1-й бригады 4-й флотской дивизии.

До 1852 года включительно он плавал по Черному морю. 30 марта 1852 года, назначенный командующим 5-й флотской дивизией, он поднял свой флаг на корабле «Двенадцать Апостолов», а 2 октября того же года был произведен в вице-адмиралы с утверждением в должности.

Личные качества Нахимова
К этому времени Нахимов имел прекрасную репутацию на флоте. Убежденный холостяк, человек спартанских привычек, ненавидевший роскошь, он не имел никаких личных интересов, был чужд всякого эгоизма и честолюбия и был беззаветно предан морскому делу. Простодушный и всегда скромный, Нахимов избегал показной стороны и на службе, и в общественной жизни. Но все, знавшие адмирала, не могли не понимать, какое величие души, какой сильный характер таил он в себе под своим скромным и простодушным видом.

На берегу Нахимов был старшим товарищем своих подчиненных, был покровителем матросов и их семей. Помогал словом и делом, а нередко и своими средствами офицерам; вникал во всякие нужды морской братии. В Севастополе на Графской пристани почти ежедневно можно было видеть адмирала, являвшегося в сопровождении адъютанта своего к ожидавшей его толпе просителей — отставных матросов, убогих стариков, женщин, детей. Не за одной помощью материальной обращались эти люди к "матросскому батьку", просили подчас и только одних советов по всяким делам своим, просили третейского суда по ссорам и семейным неурядицам.

На море, на корабле, Нахимов был, однако, требовательным начальником. Строгость его и взыскательность за малейшее упущение или вялость на службе не знала пределов. Самые близкие его береговые приятели и собеседники не имели ни минуты нравственного и физического покоя на море: требования Нахимов возрастали в степени его привязанности. Его постоянство и настойчивость в этом отношении были истинно поразительны. Но в минуты отдыха от служебных занятий, за обеденным столом в адмиральской каюте Нахимов снова делался добродушным собеседником.

Требовательный к подчиненным, Нахимов еще более был требователен к себе, был первым работником на эскадре, служил примером неутомимости и преданности долгу службы. Плавая на «Силистрии» в составе эскадры, Нахимов потерпел однажды аварию. Во время эволюции флота шедший контргалсом и очень близко к «Силистрии» корабль «Адрианополь» произвел столь неудачный маневр, что столкновение оказалось неизбежным. Быстро оценивший обстановку, Нахимов спокойно отдал команду к удалению людей от наиболее опасного места, а сам остался именно на этом месте, на юте, в который ударил вскоре «Адрианополь», сорвавший с «Силистрии» значительную часть рангоута и огромный катер. Осыпанный обломками, но не изменивший позы, Нахимов только по счастливой случайности остался невредимым, а на упреки офицеров в неосторожности наставительно ответил, что подобные случаи представляются редко и что командиры должны ими пользоваться, дабы судовая команда видела присутствие духа в своем начальнике и проникалась к нему уважением, столь необходимым на случай боевых действий.

Близко изучивший технику кораблестроения, вложивший в нее много личного творчества, Нахимов и как кораблевожатый не имел соперников. Его детища: корвет «Наварин», фрегат «Паллада» и корабль «Силистрия» — были постоянно теми образцами, на которые все указывали и которым все стремились подражать. Всякий моряк, встречаясь в море с «Силистрией» или входя на рейд, где она красовалась, принимал все меры, чтобы показаться в возможно лучшем, безукоризненном виде зоркому командиру «Силистрии», от которого не мог скрыться ни один шаг, ни один малейший недостаток, так же как и лихое управление судном. Его одобрение почиталось за награду, которую каждый черноморский моряк старался заслужить. Все это привело к тому, что Нахимов приобрел репутацию моряка, все мысли и действия которого были направлены постоянно и исключительно на общую пользу, на неутомимое служение Родине.

Крымская война

13 сентября 1853 года с началом Крымской войны в Севастополе было получено приказание из Петербурга немедленно перевезти в Анаклию 13-ю пехотную дивизию с двумя легкими батареями, всего 16393 человека и 824 лошади, при соответственном количестве войсковых грузов, — тяжелое поручение это было возложено на вице-адмирала Нахимова и выполнено им блестяще. Флот под его командой в составе 12 кораблей, 2 фрегатов, 7 пароходов и 11 транспортов[1] изготовился к плаванию и принял десант в четыре дня, а еще через семь дней, то есть 24 сентября, войска были высажены на кавказский берег. Дебаркация началась в 7 часов утра и окончилась через 10 часов. Распорядитель операций Нахимов «за отлично усердную службу, познания, опытность и неутомимую деятельность», был награжден орденом Святого Владимира 2-й степени.

С кавказского берега флот немедленно вернулся в Севастополь, а 11 октября, еще не зная об объявлении войны, Нахимов вышел в море с эскадрой, в состав которой входили: корабли «Императрица Мария», «Чесма», «Ростислав», «Святослав» и «Храбрый», фрегат «Коварна» и пароход «Бессарабия». Эскадра предназначалась для крейсирования в виду анатолийского берега, на путях сообщения Константинополя с восточным берегом Черного моря, и для обеспечения тем наших владений на этом берегу от внезапного нападения. Нахимову была дана инструкция — «отражать, но не атаковать».

1 ноября к Нахимову на пароходе «Владимир» прибыл начальник штаба Черноморского флота Корнилов и привез манифест о войне. Тотчас же по эскадре был отдан приказ: «Война объявлена; отслужить молебствие и поздравить команду!». Составлен незамедлительно и другой приказ, обширный и ясно выражавший требования адмирала, из которого выделяют следующую фразу:

> « *Уведомляю гг. командиров, что в случае встречи с неприятелем, превышающим нас в силах, я атакую его, будучи совершенно уверен, что каждый из нас сделает свое дело.*
> Нахимов П.С. »

Прошло еще несколько дней. Погода ухудшалась, и 8-го ноября разразилась буря. Линейные корабли «Святослав» и «Храбрый», фрегат «Коварна» и пароход «Бессарабия» потерпели столь сильные аварии, что их пришлось отправить для починки в Севастополь. Нахимов остался с тремя кораблями, но крейсерства не прекратил.

В это же время турецкий адмирал Осман-паша также появился в Чёрном море с эскадрой, состоявшей из 7 фрегатов, 3 корветов, двух пароходов и двух транспортов, всего из четырнадцати военных судов. Буря заставила турецкого адмирала искать убежища. Он укрылся на рейде Синопа. У входа на рейд не замедлил появиться и Нахимов с тремя кораблями, составлявшими всю силу, какая была в то время в его распоряжении. Думая, что русский адмирал заманивает турецкий флот в открытое море, Осман-паша не решался выйти из гавани. 16-го ноября к отряду Нахимова присоединилась эскадра контр-адмирала

Новосильского, состоявшая из линейных кораблей «Париж», «Великий Князь Константин» и «Три Святителя» и из фрегатов «Кагул» и «Кулевчи».
Русский флот располагал артиллерией в 712 орудий, вражеский — в 476, но турки находились под защитой шести береговых батарей, на которых стояло 44 орудия крупных калибров, значительно более сильных, нежели тогдашние образцы судовой артиллерии. 17-го ноября Нахимов собрал к себе всех командиров, и тогда же была составлена подробная диспозиция для боя и отдан приказ по эскадре. План был продуман до мелочей и на деле начал исполняться как на маневрах, однако содержал приказ и такие слова:

> « *В заключение я выскажу свою мысль, что все предварительные наставления при переменившихся обстоятельствах могут затруднить командира, знающего свое дело, и потому я предоставляю каждому совершенно независимо действовать по усмотрению своему, но непременно исполнить свой долг.*
> Нахимов П.С. »

Утром 18 ноября шел дождь и дул шквалистый ветер, самый неблагоприятный для завладения неприятельскими судами, ибо, разбитые, они могли легко выброситься на берег. В 9 часов утра русская эскадра спустила гребные суда, как обыкновенно поступал деревянный флот перед боем, а в 9:30 был поднят сигнал приготовиться к атаке. В полдень корабли направились на Синопский рейд. Несмотря на дождь и туман, неприятель скоро заметил атаку, и все турецкие корабли и береговые батареи открыли огонь.

В 12:30 «Императрица Мария» под флагом Нахимова была засыпана ядрами и книппелями, большая часть ее рангоута перебита, у грот-мачты осталась только одна нетронутая ванта. Но корабль, имея ветер с кормы, бесстрашно шел вперед, действуя батальным огнем по неприятельским судам, мимо которых проходил, и отдал якорь против турецкого адмиральского фрегата «Ауни-Аллах». Не выдержав получасового огня, турецкое флагманское судно снялось с якоря и выбросилось на берег. «Императрица Мария» обратила тогда свой огонь исключительно на 44-х пушечный фрегат «Фазли-Аллах» — русский «Рафаил», захваченный турками в 1828 году — и заставила его последовать примеру первого судна.
Не отставали от адмирала и другие командиры русских судов, проявляя одновременно и отвагу, и умение. В особенности блестящи были действия линейного корабля «Париж» под флагом контр-адмирала Новосильского. Любуясь его прекрасными и хладнокровными маневрами, Нахимов в самую жаркую минуту боя приказал было изъявить «Парижу» свою благодарность, но поднять сигнал было не на чем; все фалы «Императрицы Марии» были перебиты. Полная победа русского флота обозначилась скоро — почти все суда турок выбросились на берег и там горели; прорвался лишь один 20-ти пушечный пароход «Таиф», принесший впоследствии печальную весть в Константинополь.
В 13:30 у Синопского рейда показался фрегат «Одесса» под флагом генерал-адъютанта Корнилова, а с ним пароходы «Крым» и «Херсонес». Бой продолжался, но главным образом с береговыми батареями. Турецкие военные суда, выбросившиеся на берег, были в самом бедственном положении; транспортные и купеческие суда затонули от ядер. Вскоре вражеские фрегаты начали взрываться, огонь передался на городские постройки, возник сильный пожар. В пятом часу вечера все было кончено: весь турецкий флот, кроме парохода «Таифа», уничтожен; разрушенные батареи безмолвствовали. До трех тысяч турок было убито; оставшиеся в живых сдались в плен вместе со своим адмиралом, раненым в ногу. Наши потери ограничились 1 офицером и 33 нижними чинами убитыми и 230-ю ранеными.

Ночью пароходы отвели наши корабли от берега во избежание возможности наноса на них горевших остатков судов вражеского флота. Тогда же команды приступили к починке основных повреждений, оказавшихся весьма значительными. На одном только корабле «Императрица Мария» было 60 пробоин. Все повреждения под непосредственным

руководством самого Нахимова были исправлены в 36 часов настолько, что эскадра смогла предпринять обратное плавание через все неспокойное Черное море. Уже к ночи 22 ноября победители входили на рейд Севастополя.

Грамотой 28 ноября Государь Император, «исполняя с истинной радостью постановление статута», пожаловал Нахимову орден Святого Георгия 2-й степени.

Весьма характерным является то обстоятельство, что в подробной своей реляции о Синопском бое Нахимов совершенно забыл о себе.

Оборона Севастополя

23 декабря англо-французский флот общей силой в 89 боевых кораблей, в их числе 54 парохода, вошел в Чёрное море, обратил Варну в свою морскую базу и стал снаряжать там огромный десант с явной угрозой Крыму. Союзники выслали в открытое море сильные отряды, которые не замедлили прекратить движение торговых судов вдоль русских берегов. Русский парусный черноморский флот, значительно уступавший вражескому и по численности, и, в особенности, по качеству, был обречен на пассивную деятельность.

9 февраля 1854 года вышел манифест о разрыве с Англией и Францией, 9 апреля союзники бомбардировали Одессу, а 2 сентября в Евпатории высадилась союзная армия: 28000 французов, 27000 англичан и 7000 турок с соответственным количеством полевой артиллерии и с 114 осадными орудиями. Тотчас по высадке англичане и французы двинулись к Севастополю.

Севастополь к началу Восточной войны был укреплен довольно сильно с морской стороны. Вход на рейд обстреливался 8-ю батареями. По флоту, подходящему к Севастополю, могли действовать только крайние батареи — Константиновская и № 10, им могла помогать в этом деле только часть орудий прочих батарей.

Весной 1854 года были построены еще три внутренние батареи — Двенадцать Апостолов, Парижская и Святославская — и две внешние, на морском побережье к северу от Константиновской. Все эти батареи были вооружены 610 орудиями. Кроме того, для обороны Севастополя на воде, — на рейде, в полной готовности к выходу в море, стояла эскадра Нахимова из 8 кораблей и 6 фрегатов; далее, при входе в южную бухту, эскадра Корнилова из 4 кораблей, 1 фрегата и 4 пароходов, наконец, в глубине рейда — флотилия мелких судов.

С сухопутной стороны Севастополь был почти не обороненным. На северной стороне находилось большое, но старое укрепление, возведенное еще в 1818 году, а на южной только предполагалось построить ряд бастионов и соединительных между ними оборонительных линий. Укрепления сухопутной обороны начинались у Килен-бухты бастионом № 1, им, а затем бастионом № 2, Малаховым курганом (Корниловский бастион) и бастионом № 3 защищалась Корабельная сторона Севастополя, далее бастионами № 4—7 оберегалась Городская сторона.

После неудачного для нас сражения 8-го сентября на реке Альме, где союзная 62-тысячная армия была встречена 34 тысячами наших войск, Князь Александр Сергеевич Меншиков отступил к Бахчисараю, поручив временное заведование обороной южной стороны Севастополя Нахимову, а северной — Корнилову. Союзники, подступавшие к Севастополю с севера и осведомившиеся у татар о полной необороненности южной стороны, переменили первоначальный план, обосновались в Камышевой и Балаклавской бухтах и намеревались штурмовать город с юга. Но к этому времени на южной стороне деятельными усилиями Нахимова, Корнилова и Тотлебена, уже была возведена линия укреплений. Неприятель не отважился на атаку открытой силой и приступил к правильной осаде крепости.

Гарнизон южной стороны состоял из 6 резервных батальонов и флотских команд, всего до 5000 человек. Считая невозможным с такими силами отстоять Севастополь, Нахимов после решения Меншикова отвергнуть Корниловский план вступления с неприятелем в морской бой принял меры к затоплению судов своей эскадры, дабы не отдать их врагу и пресечь доступ вражескому флоту на рейд, а 14 сентября отдал следующий приказ:

> *Неприятель подступает к городу, в котором весьма мало гарнизона. Я по необходимости нахожусь вынужденным затопить суда вверенной мне эскадры, а оставшиеся на них команды с абордажным оружием присоединить к гарнизону. Я уверен в командирах, офицерах и командах, что каждый из них будет драться как герой. Нас соберется до трех тысяч. Сборный пункт на Театральной площади. О чем по эскадре объявляю.*
> Нахимов П.С.

Работы на южной стороне закипели. Нахимов вместе с Корниловым неусыпно заботился о доставлении всех средств флота, порта и других частей морского ведомства Тотлебену, который энергично приступил к усилению оборонительной линии. Привлеченные к работам матросы, одушевленные личным примером своего достойного начальника, отличались, по свидетельству Тотлебена, особой неутомимостью, ловкостью и расторопностью. Для обеспечения сообщения Корабельной стороны с Городской, Нахимов устроил по своей личной инициативе мост через южную бухту, воспользовавшись для того бригадами, шхунами и плотами.

Наступил памятный день 5 октября — день первого бомбардирования Севастополя. Тучи ядер и бомб посыпались на бастионы, которые, спешно насыпанные, плохо сопротивлялись неприятельским снарядам. Самый сильный бой разыгрался на Малаховом кургане и на 5 бастионе. На первый направился Корнилов, на второй Нахимов. Переходя от орудия к орудию, Нахимов сам наводил пушки, давал советы, следил за полетом снарядов, ободрял сердца защитников крепости. Презирая всякую опасность, он чуть было не погиб в самом начале боя: раненый в голову, раненый на счастье легко, Нахимов старался скрыть это, не желая волновать обожавших его матросов. «Не правда-с!» резко и с неудовольствием ответил он одному из офицеров, громко воскликнувшему: «Вы ранены, Павел Степанович!». Не так снисходительна была судьба к Корнилову, погибшему в тот день на Малаховом кургане.

Бой 5 октября, веденный союзниками одновременно и с суши, и с моря, закончился весьма незначительными повреждениями береговых батарей, но печальными результатами на стороне сухопутной. Оборонительная линия пострадала в такой мере, что почти не представляла препятствий для штурма. К счастью, неприятель не воспользовался этим, на штурм не отважился. К Севастополю стали подходить подкрепления и оборона получила возможность сделаться длительной и упорной.

Для характеристики личности Павла Степановича, как защитника Севастополя, достаточно привести следующие строки его боевого товарища Эдуарда Ивановича Тотлебена, признаваемые автором лишь «слабым очерком того, что был Нахимов для Севастополя»:

> *Нахимов ежедневно обходил оборонительную линию, презирая все опасности. Своим присутствием и примером он возвышал дух не только в моряках, благоговевших перед ним, но и в сухопутных войсках, также скоро понявших, что такое Нахимов. Всегда заботливый к сохранению жизни людей, адмирал не щадил только себя. Так, например, во время всей осады он один только всегда носил эполеты, делая это для того, чтобы передать презрение к опасности всем своим подчиненным. Никто лучше его не знал духа русского простолюдина-матроса и солдата, не любящих громких слов; потому он никогда не прибегал к красноречию, но действовал на войска примером и строгим требованием от них исполнения*

служебных обязанностей. Он всегда первым являлся на самые опасные места, где наиболее нужны были присутствие и распорядительность начальника. Боясь опоздать, он даже ложился спать ночью, не раздеваясь, чтобы не терять ни одной минуты на одевание. Что касается административной деятельности адмирала во время обороны, то не было ни одной части, о которой не заботился бы он более всех. Он сам всегда приходил к другим начальникам, хотя бы и к младшим в чине, для того, чтобы узнать, нет ли каких-либо затруднений, и предложить им свое содействие. В случае несогласия между ними он всегда являлся примирителем, стараясь направить всех и каждого единственно на служение общему делу. Раненые офицеры и нижние чины не только находили в нем опору и покровительство, но всегда могли рассчитывать на помощь из его собственного небогатого кармана.

Тотлебен Э.И.

По словам современников Нахимов был душой обороны Севастополя. Но помимо нравственного воздействия на гарнизон, Павел Степанович сыграл известную роль также и в организации обороны. В декабре 1854 года по его настоянию были построены три батареи для обстреливания Артиллерийской бухты, в которую могли прорваться неприятельские суда вследствие повреждения бурями заграждения рейда. В половине февраля следующего года он устроил вторую линию заграждения у входа в Севастополь. В конце июня, допуская по тогдашним обстоятельствам возможность прорыва на рейд неприятельского флота, он усилил оборону входа еще тремя батареями, из коих одна, двухъярусная на 30 орудий, помещенная на мысе между Константиновской и Михайловской батареями и действовавшая как по рейду, так и по французским осадным работам у Херсонеса, была впоследствии названа Нахимовской.

Его февральский приках, устанавливавший общий порядок службы и деятельности на бастионах, относится к разряду тех исторических документов, которые стоит прочесть полностью:

« *"Усилия, употребленные неприятелем против Севастополя 5-го октября и в последующие затем дни, дают основательный повод думать, что, решившись продолжать осаду, враги наши рассчитывают на средства еще более громадные; но теперь шестимесячные труды по укреплению Севастополя приходят к концу, средства обороны нашей почти утроились, и потому — кто из нас, верующих в правосудие Божие, усомнится в торжестве над дерзкими замыслами неприятеля? Но разрушить их при большой потере с нашей стороны не есть еще полное торжество, а потому-то я считаю долгом напомнить всем начальникам священную обязанность, на них лежащую, именно, предварительно озаботиться, чтобы при открытии огня с неприятельских батарей не было ни одного лишнего человека не только в открытых местах и без дела, но даже прислуга у орудий и число людей для неразлучных с боем работ было ограничено крайней необходимостью. Заботливый офицер, пользуясь обстоятельствами, всегда отыщет средства сделать экономию в людях и тем уменьшить число подвергающихся опасности. Любопытство, свойственное отваге, одушевляющей доблестный гарнизон Севастополя, в особенности не должно быть допускаемо частными начальниками. Пусть каждый будет уверен в результате боя и спокойно останется на указанном ему месте; это в особенности относится к гг. офицерам.*

Я надеюсь, что гг. дистанционные и отдельные начальники войск обратят полное внимание на этот предмет и разделят своих офицеров на очереди, приказав свободным находиться под блиндажами и в закрытых местах. При этом прошу внушить им, что жизнь каждого из них принадлежит Отечеству, и что не »

удальство, а только истинная храбрость приносит пользу ему и честь умеющему отличить ее в своих поступках от первого.

Пользуюсь этим случаем, чтобы еще раз повторить запрещение частой стрельбы. Кроме неверности выстрелов, естественного следствия торопливости, трата пороха и снарядов составляет такой важный предмет, что никакая храбрость, никакая заслуга не должны оправдать офицера, допустившего ее. Заботливость об охранении города, вверенного Государем нашей чести, пусть будет ручательством за меткость и хладнокровие наших молодцов-артиллеристов.
Нахимов П.С.

Как известно, в начале обороны Севастополя Павел Степанович занимал скромную должность начальника морских команд на южной стороне. В этой должности 11 января 1855 года он был награжден орденом Белого Орла. 1 февраля Нахимов был назначен помощником начальника севастопольского гарнизона. Назначение это не открыло, однако, новой деятельности адмиралу, который с самого начала осады постоянно принимал самое близкое участие во всем, что касалось обороны.

С 18 февраля Нахимов временно исполнял должность начальника гарнизона, за отъездом князя Меншикова и назначением Дмитрия Ерофеевича Остен-Сакена командующим полевой армией. 27 марта он был произведен в адмиралы. В ночь на 27 мая во время штурмов французов на редуты за Килен-балкой и на Камчатский люнет Павел Степанович подвергся большой опасности: прибывший с вечера на «Камчатку» и лично руководивший отражением штурма адмирал, выделявшийся своими эполетами и мощной фигурой, чуть было не попал в плен. Матросы буквально вырвали его из рук неприятеля.

Гибель

28 июня Нахимов, объезжая оборонительную линию, направился на 3-й бастион, а оттуда на Малахов курган. Поднявшись на банкет батареи впереди башни, он начал рассматривать в зрительную трубу неприятельские работы. Стоя совершенно открыто и резко выделяясь от свиты черным цветом своего сюртука и золотыми эполетами, Павел Степанович не замедлил обратиться в цель для французских штуцерников. Напрасно сопровождавшие адмирала офицеры умоляли его сойти с банкета: «Не всякая пуля в лоб-с!» отвечал он. Вот пуля ударила в земляной мешок, лежавший перед Павлом Степановичем. Он и тут остался на месте, спокойно промолвив: «Они целят довольно хорошо!». Почти одновременно с этим вторая пуля ударила Павла Степановича именно в лоб, над левым глазом, и наискось пробила череп. Адмирал упал без чувств на руки сопровождавших его и тотчас же был отнесен на перевязочный пункт Малахова Кургана.

Когда ему спрыснули лоб и грудь водой, он очнулся, что-то проговорил, но что именно — разобрать было трудно. После перевязки, его понесли на простых солдатских носилках в Аполлонову балку, а оттуда на шлюпке на Северную сторону. Всю дорогу Нахимов был в сознании и что-то шептал, но в госпитальном бараке вновь лишился чувств. У постели тяжелораненого собрались все врачи гарнизона, и на следующий день адмиралу стало как будто лучше. Павел Степанович шевелился, рукой дотрагивался до повязки на голове, а на попытки ему в этом помешать возражал: «Эх, Боже мой, что за вздор!». Это были единственные слова, разобранные окружающими. 30 июня в 11:07 адмирала Нахимова не стало.

Еще при начале обороны Севастополя Нахимов и Корнилов изъявили желание быть погребенными в склепе, где покоился прах М. П. Лазарева, то есть на Городской стороне, близ библиотеки. Место тогда оставалось в склепе на две могилы. Одну занял Корнилов, другую

Нахимов уступил для погребения праха Истомина. Однако друзья-сослуживцы нашли возможность исполнить волю покойного.

Начальник севастопольского гарнизона почтил память Павла Степановича следующим приказом:

> *"Провидению угодно было испытать нас новой тяжкой потерей: адмирал Нахимов, пораженный неприятельской пулей на Корниловском бастионе, сего числа скончался. Не мы одни будем оплакивать потерю доблестного сослуживца, витязя без страха и упрека; вся Россия вместе с нами прольет слезы искреннего сожаления о кончине героя Синопского.*
> *Моряки черноморского флота! Он был свидетелем всех ваших доблестей, он умел ценить ваше несравненное самоотвержение, он разделял с вами все опасности, руководил вас на пути славы и победы. Преждевременная смерть доблестного адмирала возлагает на нас обязанность дорогой ценой воздать неприятелю за понесенную нами потерю. Каждый воин, стоящий на оборонительной линии Севастополя, жаждет — я несомненно уверен — исполнить этот священный долг, каждый матрос удесятерит усилие для славы русского оружия!*